

СЕКЦИЯ 1. ТЭАРЭТЫЧНАЯ І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЯ ГРАМАТЫКА

ОСОБЕННОСТИ БЕЗЛИЧНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

А. А. Клинцева

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, aprilryan.ru@mail.ru*

Рассматривается вопрос о безличном отражении и взаимодействии денотативных сфер экзистенции и посессивности в белорусском и литовском языках. Выявлено, что прагматическими основаниями безличной актуализации экзистенциально-посессивных отношений являются неволевитивность субъекта и партитивность неодушевленного, абстрактного или неисчисляемого объекта, а также отрицательная форма единицы, выступающей в роле предиката. Реализация экзистенциальной семантики в обоих языках достигается путем включения локатива или темпоратива в валентностную рамку бытийного предиката в качестве метафоризированного обладателя постулируемого объекта. В свою очередь, безличное кодирование посессивных отношений, предполагающее введение субъекта обладания в родительном падеже, наблюдается только в белорусском языке. В литовском языке безличная реализация посессивных отношений наблюдается исключительно в специфической дативно-генетивной структуре с семантикой партитивности и разговорной структуре с предложной группой *pas ką* ‘у кого-то’.

Ключевые слова: категория безличности; посессивная конструкция; экзистенциальная конструкция; белорусский язык; литовский язык.

В современных индоевропейских языках сложные денотаты категории безличности демонстрируют в целом единообразие типов: метеорологический, психофизический, модальный, событийный и др. В то же время в некоторых языках балто-славянской общности существуют лингвоспецифические конструкции, состоящие из отрицательной формы бытийного глагола или отрицательных предикативных слов, требующих родительного падежа для субъекта и родительного либо винительного падежей для объекта экзистенциальных и/или посессивных отношений. Особенностью таких структур является совмещенное значение ‘несуществования’ и ‘необладания’, то есть отсутствия чего-либо вообще или у конкретного субъекта. При сопоставлении языковых реализаций данных понятийных категорий в белорусском и литовском языках следует решить две задачи. Во-первых, необходимо выяснить, является ли возможной безличная актуализация

обоих концептов – как ‘бытия/небытия’, так и ‘наличия/отсутствия чего-либо у кого-либо’. Во-вторых, важно определить, обнаруживаются ли в сопоставляемых языках безличные структуры с совмещенным экзистенциально-посессивным значением или каждое из этих отношений кодируется различными синтаксическими путями, включая конструкции с личными формами глаголов.

Языки, в которых посессивная конструкция организуется личным глаголом с семантикой обладания, принадлежат к типу *Habeo* (например, *j'ai* во французском – ‘я имею’), в то время как языки, в которых данная конструкция состоит из глагола-связки, требующего косвенную именную группу в качестве субъекта обладания, относится к типу *Esse* [1] (например, *man ir* в латышском – ‘у меня есть’). Очевидно, что только в языках последнего типа является возможным совмещение в одном предикате как экзистенциальной, так и посессивной семантики. Рассматривая такие конструкции в русском языке, Е. М. Галкина-Федорук выделяет ряд признаков безличных экзистенциально-посессивных предложений: отрицательные формы глагола *быть*, отрицательная частица *ни*, отрицательные местоимения (*ничего*, *никого*) и т. д. [2, с. 194–195]. Для объекта таких предложений характерна слабая индивидуализация, ассоциированная с такими семантико-грамматическими показателями, как *абстрактность*, *неодушевленность*, *множественное число*, *неисчисляемость*, а также *партиитивность* как частичное, неполное воздействие на объект, заключенное в предикате [3, р. 255]. Согласно П. Хопперу и С. Томпсон, данные свойства объекта сочетаются с другими показателями безличности: стативной семантикой обезличенных глаголов и неволитивным участием субъекта (или же его отсутствием) в описываемом положении дел [3, р. 279].

Приведенные выше признаки характерны также для сопоставляемых белорусского и литовского языков. На первом этапе исследования нами были выявлены типы безличной актуализации категории экзистенциальности. Так, в белорусском языке наблюдаются следующие безличные структуры, реализующие концепт *(не)бытия*:

1. Утвердительная структура, образованная обезличенной связкой *быць* ‘быть’ (далее – $V_{cop.aff}$) в сочетании с предикативными частями речи (в примере – с предикативным наречием ($Predic_{adv}$), которое управляет генетивной именной группой ($GenNP$)). Референтом последней является неодушевленный, неисчисляемый объект, задействованный лишь частично – то есть объект «неполного количества» [2, с. 187]: [$LocPP - V_{cop.aff} + Predic_{adv} - GenNP$] *Сэрца яго захлыналася, у роце было поўна вады* [4] ‘Сердце его захлебывалось, рот был полон воды’, где $LocPP$ – локативная предложная группа.

2. Отрицательная безличная структура, предикатами которой могут выступать глагол *не быць* ‘не быть’ ($V_{\text{cop.neg.}}$) и отрицательное слово *няма* ‘нет’ ($\text{Predic}_{\text{neg}}$), управляющие генетивной именной группой, референтом которой может выступать неодушевленный, абстрактный либо партитивный объект: $[\text{LocPP} - \text{Predic}_{\text{neg}} - \text{GenNP}]$ *Няма ў ім ласкі, ні забавы* [4] ‘Нет в нем ни нежности, ни веселья’.

В свою очередь, в литовском языке концепт *(не)бытия* также получает две безличные репрезентации:

1. Утвердительная безличная структура, образуемая связочным предикатом *būti* ‘быть’ и различными предикативными частями речи, обозначающими количество, например, предложным словосочетанием (GenPP), а также зависимой от них генетивной именной группой (GenNP), референт которой – неодушевленный, неисчисляемый, партитивный объект экзистенциальных отношений: $[\text{GenNP} - \text{Adv}_{\text{pl}} - (V_{\text{cop.aff.}}) - \text{GenPP}]$ *Vandens čia (yra) iki kelių* [5, p. 652] ‘Воды здесь – по колено’, где Adv_{pl} – обстоятельство места.

2. Отрицательная безличная структура, организованная посредством связочного предиката *nebūti* ‘не быть’, управляющего генетивной именной группой, обозначающей неодушевленный, абстрактный и партитивный объект: $[\text{Adv}_t - V_{\text{cop.neg.}} - \text{GenNP}]$ *Tais laikais nebuvo ne tik galimybės kurti dinaminis tinklapius* [6] ‘Тогда просто не существовало возможности создавать динамические веб-сайты’.

Как видно из приведенных примеров обоих языков, локативом (*у роце*) или темпоративом (*tais laikas*) обозначается сужение пространства или временного отрезка, в котором постулируется существование описываемого объекта. Таковую внешнюю среду (будь она конкретизирована с помощью обстоятельств или подразумеваема в целом, без четких пространственно-временных границ), выступающую в качестве носителя предикативного признака, можно также трактовать в качестве метафоризированного посессора – то есть обладателя. При этом объект безличного предложения выступает как обладаемое и в случае неличной или абстрактной референции характеризуется свойством партитивности.

На втором этапе исследования нами были выявлены типы безличной актуализации категории посессивности. В белорусском языке безличный способ кодирования посессивных отношений возможен только в отношении ситуации ‘отсутствия чего-либо у кого-либо’ посредством глагольной лексемы *не быць* ‘не быть’ и отрицательного слова *няма* ‘нет’. От реализации экзистенциального положения дел денотативная структура подобных предложений отличается экспликацией реального субъекта обладания, оформляемого генетивной предложной группой (*у кагосьці* ‘у кого-то’

(GenPP)), а также неодушевленного, неисчисляемого и партитивного объекта обладания в виде генетивной словоформы (GenNP): [GenPP – Predic_{neg} – GenNP] *Я пашкадавала, што ў мяне з сабою няма хлеба* [4] ‘Я пожалела, что у меня с собой нет хлеба’.

В свою очередь, утвердительная конструкция, постулирующая принадлежность чего-либо кому-либо, в случае глагола *мець* ‘иметь’ образуется только личным путем (пример а), в то время как структуру с *быць* ‘быть’ можно определить как находящуюся на периферии категории безличности, ввиду канонического расположения семантического субъекта в первой позиции предложения, но присутствия номинативного объекта (NomNP) (пример б):

а) [NomNP – V_{3sg.neg.} – GenNP] *На гэта то яна ўжо не мела ніякага намеру* [4] ‘Относительно этого у нее уже не было никакого намерения’, где V_{3sg.neg.} – отрицательная форма личного глагола третьего лица единственного числа;

б) [GenPP – V_{cop.aff.} – NomNP] *Я позавидовала гэтай птушцы, што ў яе ёсць крылы...* [4] ‘Я позавидовала этой птице, что у нее есть крылья...’;

На выбор между личной и безличной посессивной конструкциями, вероятно, влияет прагматическое намерение говорящего: так, структура *Я (не) мею* ‘Я (не) имею’ актуализируется тогда, когда говорящий хочет передать такую ситуацию, в которой обладание им чего-либо является результатом некоторого волевого усилия, о чем свидетельствует компонентный состав глагола – ‘уладаць кім-н., чым-н. як уласнасцю’ [7]. В свою очередь, структура *У мяне ёсць/няма* ‘У меня есть/нет’, в связи с экзистенциальной семантикой данного глагола (‘існаваць, быць у наяўнасці’ [7]), постулирует более стативное положение дел – здесь не выявляется предшествующего волевого акта овладения.

В литовском языке не обнаруживается безличной актуализации ни ситуации наличия, ни ситуации отсутствия, предполагающих введение словоформы в родительном падеже. Для выражения посессивных отношений используется глагол *turėti* ‘иметь’, что позволяет определить литовский язык как язык типа *Habeo*:

а) [NomNP – V_{3sg} – AccNP] *Jonas turi jaunesnį brolių* [8] ‘У Йонаса есть младший брат’, где V_{3sg} – личный глагол третьего лица единственного числа;

б) [NomNP – Adv_t – V_{3sg} – GenNP] ... *krepsininkas Jonas Valančiūnas šiuo metu turi rimtų rūpesčių* [6] ‘Баскетболист Йонас Валанчюнас сейчас имеет серьезные проблемы’.

По словам В. Р. Вячорки, отсутствие в литовском языке посессивной конструкции с экзистенциальными глаголами и присутствие ее в латыш-

ском и в восточнославянских языках объясняется финно-угорским влиянием в отношении последних [9, с. 108]: в этой языковой семье посессивные отношения оформляются при помощи косвенной (адессивной) именной группы в качестве посессора и номинативной/партитивной именной группы в качестве объекта обладания: *Jukalla oli avaimet* [10, р. 292] ‘У Юкки были ключи’.

Однако далее автор упоминает возможность образования в литовском языке экзистенциальной структуры с глаголом, управляющим дативной группой (DatNP) (с помощью которой обычно кодируется субъект состояния в других подвидах безличности) в качестве субъекта обладания и генетивной как объекта обладания [9, с. 108]: [DatNP – V_{cop.aff.} – GenNP] ...*tai aparatas neparodė, jog jam yra problemų su adenoidais* [6] ‘Этот прибор не показал, что у него были проблемы с аденоидами’.

Также интерес представляет тот факт, что, согласно Ф. М. Мацителли, в разговорном литовском языке все же обнаруживается экзистенциальная конструкция со значением посессивности, где в качестве субъектного компонента употребляется аккузативная предложная группа *pas + ką* [11, р. 110] (AccPP), аналогичная по своему значению словосочетанию *u kagосьci* ‘у кого-то’: [AccPP – V_{cop.aff.} – GenNP...] *Jeigu pas mane yra dar šiek tiek jautrumo gyvam žmogui...* [6] ‘Если у меня осталась (есть) хоть какая-то чувствительность к живому человеку...’.

В отличие от белорусского языка, где безличной актуализации подвергается только ситуация необладания, эти новые конструкции в литовском используются также для реализации ситуации обладания, при этом объектный участник обладает неодушевленной абстрактной референцией и партитивностью.

Таким образом, белорусский язык занимает промежуточное положение между группой языков *Esse* и группой языков типа *Habeo*, поскольку его носители располагают возможностями образовывать вариативные посессивные структуры с потенциально безличным глаголом *быць* ‘быть’, отрицательный словом *няма* ‘нет’, а также личной лексемой *мець* ‘иметь’. Для участников денотативной структуры белорусских безличных предложений характерна пассивность субъекта-посессора и партитивность не-лиц и абстрактных понятий, выполняющих роль обладаемого. В литовском, как языке типа *Habeo*, безличной актуализации также подлежат положения дел, связанные с экзистенцией и неэкзистенцией, однако отсутствует аналогичный безличный способ отражения ситуации принадлежности и непринадлежности чего-либо кому-либо, кроме дативной безличной конструкции с генетивным объектом абстрактного характера и

структуры с аккузативной предложной группой, напоминающей экзистенциально-посессивную структуру в языках типа *Esse* и используемой только в разговорной речи.

Библиографические ссылки

1. Журина М. А. Посессивность [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/388b.html> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М. : URSS, 2019.
3. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56, №. 2. P. 251–299.
4. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. URL: <https://bnkorpus.info/index.html> (дата обращения: 09.02.2021).
5. Ambrazas V. Lithuanian grammar. Vilnius : Baltų lankų leidyba, 2006.
6. ItTenTen : Corpus of the Lithuanian Web [Electronic resource]. URL: <https://www.sketchengine.eu/lttenten-lithuanian-corpus/> (date of access: 14.02.2021).
7. Русско-белорусский онлайн-словарь Скарнік [Электронный ресурс]. URL: <https://www.skarnik.by> (дата обращения: 13.02.2021).
8. MATAS – Morphologically Annotated Lithuanian Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.vdu.lt/en/> (date of access: 11.02.2021).
9. Вячорка В. Р. Кароткая граматыка літоўскай мовы. Мінск : Радыёла-плюс, 2010.
10. Sands K., Campbell, L. Non-canonical subjects and objects in Finnish // Non-canonical Marking of Subjects and Objects / ed. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 251–307.
11. Mazzitelli L. F. The expression of predicative possession in Belarusian and Lithuanian. Bremen : De Gruyter Mouton, 2015.